

С.И. Толстов*

S.I. Tolstov*

**Крестьянствование как
самовыживание и самовыражение
в современном сибирском селе**

**Peasant way of life:
survival and self-expression
in the contemporary Siberian village**

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-5-5

DOI: 10.31518/2618-9100-2019-5-5

УДК 316.66(470+571)“2017”

Выходные данные для цитирования:

How to cite:

Толстов С.И. Крестьянствование как самовыживание и самовыражение в современном сибирском селе // Исторический курьер. 2019. № 5 (7). С. 63–71. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-05.pdf>

Tolstov S.I. Peasant way of life: survival and self-expression in the contemporary Siberian village // Historical Courier, 2019, No 5 (7), pp. 63–71. [Available online:] <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-05.pdf>

Abstract. In the summer, 2017 the national study was carried out to ascertain changes in the behaviour of agricultural producers in the situation of food embargo. The sociological research in Asino district of Tomsk region was part of that study. It was based on the expert sociological interviewing the focus group of the people involved in agricultural production. The method of a profound semi-structured interview let the researcher obtain 14 relevant stories reflecting some important biographical details, personal experience in both production, organization and analysis. The article presents these materials through the prism of modern concepts of rural development worked out in Peasant Studies. The author attempts to identify the signs of the peasant way (of production, behavior, mentality, etc.) in these people’s stories in order to highlight the remaining value of the traditional peasant mode of production in the current post-Soviet social and economic reality.

Modern rural life in Russia in general and in Siberia in particular may seem rather difficult and complicated, though the observer can state, sometimes paradoxically, the signs of structural stability and growth. The nowadays’ search for the ways of developing rural areas in Russia demands special attention to this phenomenon. It is important both in terms of operative administration of rural development and fundamental scientific approach.

The analysis of those texts as well as of the respondents’ nonverbal behavior resulted in the following two scientific conclusions. Firstly, the peasant way remains the historical norm of socio-economic development of rural areas even in the post-Soviet reality. The peasant mode of production in the modern village is the result of its forced de-peasantization in the post-Soviet time. Its revival is explained by preservation of explicit and latent peasant way of life and peasant cultural code, which well persisted during the Soviet period.

Secondly, the traditional peasant mode of production harmoniously fits into the market system as a separate way of life, as a specific “adaptive module”.

Keywords: peasant way; repesantization; peasant farms; personal subsidiary plots; strategies of self-survival; peasant studies.

The article has been received by the editor on 08.08.2019.

Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. В статье с позиций современного крестьяноведения проведен анализ материалов социологического обследования, осуществленного летом 2017 г. в Асиновском районе Томской области. Его задача заключалась в выяснении изменений в поведении российских сельхозпроизводителей в условиях продовольственного эмбарго. Было выполнено социологическое экспертное интервьюирование фокус-группы людей, связанных

* Толстов Сергей Иванович, независимый исследователь (Томск, Россия), e-mail: shpakras@mail.ru

Tolstov Sergey I., independent researcher (Tomsk, Russia), e-mail: shpakras@mail.ru

с сельскохозяйственным производством, и получено 14 релевантных организационно-биографических и экспертно-аналитических историй. Основное внимание при их обработке концентрировалось на выявлении и интерпретации признаков крестьянствования, на понимании места и роли традиционного крестьянского способа производства в текущей постсоветской социально-экономической действительности. В условиях современного поиска оптимальных путей развития сельской местности России изучение данного феномена актуально как в научно-теоретическом, так и в практическом (оперативно-управленческом) отношении.

Анализ высказываний респондентов, их установок и оценочных утверждений, а также их невербального поведения позволил прийти к следующим выводам. Во-первых, крестьянствование и в постсоветских реалиях проявляет себя вполне сопоставимо с исторической нормой. Крестьянский способ производства в современной деревне – результат ее реокрестьянивания постсоветского времени. Его базовый уровень был задан масштабами явного и латентного крестьянствования предшествующего периода и сохранившимся крестьянским культурным кодом. Во-вторых, крестьянствование гармонично вписывается в рыночную систему как отдельный уклад, как своеобразный программно-адаптивный модуль.

Ключевые слова: крестьянствование; реокрестьянивание; крестьянско-фермерские хозяйства; личные подсобные хозяйства; стратегии самовыживания и самовыражения; крестьяноведение.

Современная сельская жизнь в России вообще и в Сибири в частности при всей многотрудности развития выказывает, порой парадоксально, признаки структурной устойчивости и роста. В последние несколько лет это так или иначе детерминировано российским продовольственным эмбарго. То, каким образом данный фактор воздействует на сельское сообщество, стало предметом социологического изучения. В июле 2017 г. в рамках всероссийского социологического исследования автором в Асиновском районе Томской области проведено социологическое экспертное интервьюирование фокус-группы людей, связанных с сельскохозяйственным производством. Были получены 14 релевантных организационно-биографических и экспертно-аналитических историй. Среди проинтервьюированных были представители власти (два главы сельских поселений и заместитель главы администрации района), представитель крупного аграрного бизнеса, владельцы подворий и фермеры (6 человек из пяти населенных пунктов района), переработчики сельхозпродукции (руководители двух предприятий и два индивидуальных предпринимателя). Данная типологическая выборка вполне репрезентирует продовольственный вопрос в регионе и с точки зрения управления им, и под углом зрения тружеников, непосредственно включенных в производство продовольствия.

Анализ разговорного дискурса и интервью выводит, помимо заданных, на множество иных очевидных и латентных смысловых проекций, имеющих оперативно-управленческое и научное значение. Вопросы, направленные на выяснение изменений в поведении местных сельхозпроизводителей в условиях продовольственного эмбарго, оказались проблематичными для восприятия собеседниками. Данное обстоятельство обуславливало и делало позволительным интервьюеру, согласно классификации Ильи Штейнберга¹, занять позицию «интервьюер-сито», в соответствии с которой он предполагает получение ответов на ключевые исследовательские вопросы. Интервьюер при этом переспрашивает непонятное, уточняет, комментирует, добивается пояснений.

По прошествии некоторого времени после проведения обследования его сиюминутная составляющая без дальнейшего динамического наблюдения несколько утрачивает свою

¹ Штейнберг И. Три этюда о социологии: Святое писание, «божественная нечеловеческая музыка» и «сумбур вместо музыки» // Обратная связь: книга для чтения: сборник статей и эссе к 60-летию Михаила Рожанского. СПб.; Иркутск, 2014. С. 326.

остроту и актуальность. Вместе с тем контент, вольно или невольно побуждающий прибегать к ретроспективному анализу, парадоксально не подвержен сроку давности и тем самым вызывает необходимость посмотреть на него в жанре эссе.

Все без исключения респонденты позиционировали себя акторами решения продовольственного вопроса, в процессе беседы на уровне историко-биографического нарратива преимущественно положительно свидетельствовали о себе, а на дискурсивном уровне реализовывались социально-поведенчески, открыто адресуя реальным обладателям власти свои интересы и предпочтения. Они выказали коммуникативную компетентность, т. е. смогли внятно сформулировать свои установки и ценности, и поэтому исследователю-аналитику относительно легко удалось в качестве обоснованной теории остановиться на таком междисциплинарном направлении исторической науки как крестьяноведение. К тому же удалось проанализировать большой объем материала и когнитивно, определенным образом упорядочить отражаемую действительность. Одним словом, идея использовать крестьяноведение в качестве обоснованной теории, направленной на поиск концептуальных объяснений, порой недоступных самим респондентам, возникла на эмпирически-интуитивном уровне. Можно сказать, что собеседники дали повод. Анализ высказываний респондентов, их установок и оценочных утверждений, а также их невербального поведения вывел на определенный научный и мировоззренческий контекст.

Разговор о текущей попечительской функции государства по отношению и к сельскому хозяйству как отрасли и к деревне как социальной среде непроизвольно дрейфовал к проблеме соотношения крестьянского и предпринимательского в деревенских хозяйственных практиках. Первое у собеседников коннотируется с трудовым доходом от сельскохозяйственной деятельности, что само по себе роднит их с традиционными историческими крестьянами, второе – с бизнесом. В Сибири имеется специфический контекст, который актуализирует данный акцент.

Сибирь в глобальной повестке дня порой причисляется к «terra nullius». Следовательно, крайне важно законсервировать сохранившуюся сельскую поселенческую сеть, с тем чтобы сохранить социальный контроль за территориями, с которым не справляются государственные структуры. В связи с этим государство обречено искать управленческий баланс между поддержкой эффективных хозяйствующих субъектов и социальной опекой в массе своей маргинализованной деревни.

Ключевым критерием, указывающим на многообразие признаков крестьянского начала в сельской действительности, по мнению Т. Шанина, является хозяйствование «мелких сельскохозяйственных производителей, которые, используя простой инвентарь и труд членов своей семьи, работают – прямо или косвенно – на удовлетворение своих собственных потребительских нужд и выполнение обязательств по отношению к обладателям политической и экономической власти»². Данный критерий ни коим образом не объемлет понятие крестьянствования, но представляется вполне достаточным для того, чтобы остановиться на нем как на маркере. Фиксируемые в интервью хозяйственные практики и нормы культурного поведения сельских жителей, корреспондирующиеся с данным определением, все-таки больше свидетельствуют о крестьянскости, нежели о предпринимательской деятельности.

Прямые и косвенные указания респондентов на желательный и долженствующий образ благополучного сельского труженика дают основания исходить при идентификации крестьянского начала в деревне из модели советского колхозного крестьянства, конституированного Примерным уставом сельхозартели 1935 г. и инерционно пережившего период совхозизации. Универсальное представление о том, что в структуре занятости сельских жителей, в массе своей самоидентифицирующих себя традиционными крестьянами, обязательно должна быть гарантированная работа, так сказать, «на стороне» (будь то бюджетная сфера или же какое-либо стабильное относительно крупное производство),

² Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: хрестоматия. М., 1992. С. 11.

присутствует во многих интервью. Емко эта мысль выражена респонденткой – убежденной апологеткой подворья и одновременно сотрудницей образовательного учреждения. Рассуждая о том, что самозанятость не является панацеей социально-экономического оздоровления сибирского села, она утверждает, что «все равно нужно что-то большое, чтобы были стабильные рабочие места, стабильная заработная плата». В связи с этим представляется уместным теоретический экскурс в колхозное прошлое, из которого сформировалось, по всеобщему признанию собеседников, современное сельское настоящее.

Коллективизация, теоретически предполагавшая превращение сельских тружеников в сельскохозяйственных рабочих, на практике не привела к утрате крестьянской идентичности. Крестьянство, в частности в Сибири, в массе своей конформистски восприняло необходимость организоваться в колхозы. В некотором смысле, крестьяне адаптировали этот хозяйственный формат «под себя», делегировав ему в конечном итоге тяжелые и неэффективные виды деятельности, главным образом малоодоходное в условиях Сибири хлебопашество. Занятость в общественном секторе, особенно в послевоенный период, когда колхозный строй окончательно сложился, стала служить страховкой от голода. При этом, будучи колхозниками, которым адресовывалась перспектива стать сознательными сельскохозяйственными рабочими, колхозные крестьяне не чурались пользоваться всем арсеналом «оружия слабых». Ну, а концентрировались они в своей занятости на личном подсобном хозяйстве (ЛПХ), в котором воспроизвелось разведение скота, огородничество и промыслы. По мере того, как колхозы становились механизированными, в них все больше черпались ресурсы для развития ЛПХ, что позволяло сельским жителям с «крестьянской жилкой» повышать свой доход, ориентируясь на городские потребительские стандарты.

Преимственность традиционного деревенского прошлого как средоточия благоприятных возможностей крестьянствования является общим местом всех рефлексивных рассуждений респондентов. Крестьянское свойство деревни констатировал, к примеру, владелец частной пекарни на селе, выходец из Армении: «Держат скот, держат свиней, держат баранов. Все свои хозяйства держат. Но есть семьи, у которых вообще ничего нет, есть огороды, и тоже не сажают. У нас была пекарша, которая ушла, вообще не хочет работать, ничего не хочет делать. <...> Все сажают картошку, и огурцы, и помидоры. У всех есть огороды огромные, сами сажают. <...> Виктор с Надей. Муж с женой. Они держат коров много. Ну, свое хозяйство, короче. У них трактор есть. Земли очень много. Ну, которые сами себя обеспечивают. И еще продают». Однозначно сибирская деревня характеризуется как крестьянская. Еще один взгляд, так сказать, со стороны созвучен представлениям о традиционной трудовой самообеспечивающей жизни селян. Переработчик сельхозпродукции, осваивающая своим бизнесом уже внешние рынки, утверждает, что в деревенских семьях, «в принципе, где хозяйки трудолюбивые, у всех все есть». Ну и абсолютно убедительно звучит крестьянский мотив самодостаточности уже «изнутри деревни» в экспертном умозаключении сельской учительницы и хозяйки добротного подворья: «Вы знаете, я ничего не могу сказать плохого про деревню, о жизни в деревне. Если хочешь, у тебя все будет. Мне нравится. Ни в какой город не поеду, никуда. Вы же видите, у нас все есть абсолютно. Руки надо, здоровье. У меня муж хороший, тоже работающий».

Крестьянский способ производства в современной деревне – результат ее рекрестьянивания постсоветского времени. Базовый его уровень был задан объемом явного и латентного крестьянствования предшествующего периода и сохранившимся крестьянским культурным кодом. Характерно, что практически все респонденты свой выбор заняться в частном порядке сельским хозяйством, будь то земледелие или скотоводство, истории своего успеха объясняли крестьянским воспитанием. К примеру, одна из владелиц подворья относительно большие размеры своего хозяйства объясняет (наряду с суровой необходимостью выживания) тем, что к деревенскому труду приучена «с четвертого класса». А другая настоящая сельская труженица, перепробовав множество всяческих городских бизнесов, трудный и трудовой успех на крестьянском поприще обосновала тем,

что «сама, можно сказать, деревенская», что «сама выросла под коровою», так как «родители всю жизнь держали скот». Общее мнение выразила сельская учительница, когда категорически отвергла предположение, что ее кто-то или что-то принудило заниматься личным подсобным хозяйством: «Ну, не понудили, у меня же родители здесь тоже держали всю жизнь хозяйство. <...> Ну, нравится».

Одним словом, выбор в пользу крестьянствования для тех, кто остался на селе «телом и душой», был безальтернативным как следствие обрушения колхозно-совхозного строя. Как уже отмечено, он представлял собой особый тип комплексного крестьянского хозяйства, в котором комбинировались личное подсобное хозяйство и работа в колхозе-совхозе. Таким образом реализовывался основополагающий крестьянский принцип – стремление к максимально возможному трудовому доходу за счет максимальной занятости. Исчезновение общественного сельскохозяйственного сектора, гарантировавшего базовый достаток, и являло собой суть социальной проблемной ситуации постсоветского периода. Советских крестьян в массе своей лишили одного из ключевых видов деятельности, которое предстояло им заместить. Фиксируемая модель воспроизводства крестьянского способа хозяйствования как антитезы бизнеса для той части деревни, которая преемственно привыкла к труду как фундаментальному мотиву поведения, была предопределена предшествующими логиками эволюции крестьянствования на протяжении всего социалистического периода. Проще было и есть тем, у кого была и имеется бюджетная занятость – они не испытали серьезных потрясений. Прежде интегрированным в колхозно-совхозное производство селянам пришлось мобилизоваться, порой задействуя арсенал самоэксплуатации, заполняя образовавшийся вакуум на ниве фермерства. Романтические рыночные представления о предпринимательском достатке, сродни американской мечте, подогревали целенаправленный волевой настрой. Подворье для них в этих условиях выступало подушкой безопасности. Фактически состоятельными крестьянами оказались и два фермера (двоюродные брат с сестрой), с которыми удалось побеседовать. В истоках их нынешнего успеха лежит простой жертвенный героический труд. Сегодня их достижениями власть уже дежурно отчитывается об успехах развития сельского хозяйства района и области. О первом в комплиментарном тоне как о труженике отзывается другой респондент (депутат, глава крупного перерабатывающего предприятия): «Это вот фермер, крестьянские корни еще идут со столыпинской реформы... Вот он это просто любит делать». Некоторое удивление по отношению ко второй фигурантке – владелице крупного КФХ молочной специализации, «драматургически» достигшей успеха – демонстрирует представительница районной администрации: «Знаете, она мне симпатична. Симпатична тем, что она трудяга, она оптимист. Не всегда я согласна с тем, как она ведет свое хозяйство, как-то сумбурно – не сумбурно, но, по крайней мере, то, что она прет буром, вот. И я, честно говоря, так иной раз еще опасаясь. Думаю, Господи, не дай бог там заболит, свалится, спотыкнется. Ну, надо же будет кому-то подхватить. А пока на ее этом энтузиазме, не знаю – она захватывает, на самом деле хочется в нее верить». Одним словом, случаи, когда подворья превратились в преуспевающие фермерские хозяйства, имеются, но это произошло благодаря государственной поддержке (об этом речь идет практически в каждом интервью), а своеобразной страховкой их от форс-мажорных обстоятельств служит всегда им доступный, спасительный крестьянский способ производства. Впрочем, все свойства оно не перестают использовать.

Таким образом, современные крестьяне не возникли из небытия. Реокрестьянивание в постсоветские годы не было эксцессом для дееспособной и социализированной части деревни. В большинстве своем современное село исторически помнит традиционное крестьянствование в адаптированном варианте конца 1980-х гг. – времени, вспоминаемом как «золотой век» развития сельского хозяйства, когда были хорошие условия для развития потребкооперации, когда ЛПХ максимально эксплуатировали инфраструктуру колхозов и совхозов, которые не только непосредственно помогали подворьям техникой, кормами, но и несли всю социальную нагрузку на сельских территориях. Емко по этому поводу высказалась одна из владелиц

подворья: «Но в восьмидесятые мы жили лучше, мы никогда не достигнем восьмидесятых советских времен. Девяностые годы – это вообще провал какой-то в жизни».

У хозяйствующих субъектов в сельской местности с тех пор сложилась уже насыщенная история, произошла их социально-экономическая структуризация, на полюсах которой крупный бизнес, вернувшись стране продовольственную безопасность, подворья (семейно-трудовые крестьянские хозяйства), обеспечившие самозанятость и таким образом сохранившие деревню как таковую, и своеобразная, балансирующая между этими двумя стратами прослойка – крестьянско-фермерские хозяйства. Перспектива настоящей капитализации фермерам представляется призрачной, а вот вероятность «свалиться» на уровень подворья их нисколько не пугает, напротив, служит психологической страховкой предпринимательских рисков. Характерен в этой связи второй заход на фермерство после случая с неудачным кредитом у упомянутого выше фермера. О фермерах топ-менеджер крупного холдинга, объясняя их склонность к обособленности, их отрицание какого-либо кооперирования, снисходительно сказал, что «ребята не развиваются, они вот так живут, “микки-маус-бизнес” так называемый, их это устраивает, им больше ничего не надо. Конечно, если бы они развивались, у них появилась бы потребность». Наверное, не будет натяжкой утверждение, что группа фермеров и статистически, и экономически является все-таки символической.

В связи с обозначенным раскладом, подлинный научный интерес и с социологической, и с исторической точек зрения вызывает такой деревенский феномен как крестьянствование в пределах подворья. Вполне объяснимо, почему сельские труженики, имевшие ЛПХ, выжили в «лихие 90-е». Однако насколько исторически уместен данный «сельскохозяйственный формат» в условиях стабилизации сельского хозяйства, индикаторы которой сейчас обнаруживаются? Должна ли всеобъемлющая рыночная конъюнктура растворить автономные крестьянские структурные единицы, либо же крестьянское хозяйство является универсальной нормой жизни, т. е. константой исторического развития? Да, крестьянствование выказало свою живучесть, адаптационный потенциал, несмотря на теоретическое предписание исчезнуть с исторической арены по мере развития социализма. Что его ожидает в условиях капиталистической конъюнктуры крупных форм? Уместно ли исторически крестьянское хозяйство, если оно не является синонимом бедности, отсталости? Не является ли оно по крупному счету историческим нонсенсом?

В Сибири особо актуальна, как уже отмечалось, консервация сельской поселенческой сети как таковой с целью сохранения территориальной целостности государства и пространственного экономического развития. То есть государство заинтересовано в искусственном консервировании крестьянствования как элемента социального контроля за огромными территориями за Уралом. Депутат Законодательной Думы Томской области говорит: «Сейчас деревни вообще не надо закрывать. И не закроешь. По новому закону, принятому федерацией и нами, без схода граждан сейчас вообще не закроешь ни одно село. Я хочу сказать, что у меня был пример, пришли ко мне жители одного села: “Олег Владимирович, давай, значит, все, переселяй наше село. Как хочешь. Не хотим жить. Работы нет, ничего нет”. Мы сделали опрос. Из 270 человек 180 сказала: “Ни под какими условиями мы никуда не переедем. Хоть там даже двухэтажные дворцы построят”. А сейчас по закону даже если один человек скажет: “Я буду жить в деревне”, – всё, власть должна дорогу держать, автобус. И сейчас ни одного села больше не закроют».

Тем не менее, вряд ли государственная целесообразность способна нивелировать так называемый объективный ход истории согласно либерально-рыночной парадигме, игнорирование которой невозможно. Мировая практика показывает, что модернизация сельского хозяйства неминуемо влечет сокращение занятости в нем. Сегодня в таких странах с развитым аграрным сектором, как США, в сельском хозяйстве занято всего 2 % трудоспособного населения, в промышленно развитых странах ЕС – до 5 %. В то же время в России – 8 %. Перераспределение высвобождающейся рабочей силы в пользу городской занятости продолжается. Ситуация в Томской области не является исключением.

То, что комплексное крестьянское самообеспечиваемое хозяйство является гарантией выживания в экстремальных условиях, то, что оно обладает колоссальным адаптационным потенциалом, свидетельством чего можно считать реанимацию традиционного крестьянского хозяйствования на исходе советского планового строя, уже подтверждает аксиоматичность крестьяноведческих подходов. Что же касается современной ситуации, при которой продовольственную безопасность обеспечивает крупный бизнес (как правило, агрохолдинги), то она аналогична положению в деревне в позднесоветский период, когда крупные хозяйства (колхозы и совхозы) кормили страну, при этом не исключали, а, напротив, подразумевали крестьянствование.

Конечно же, в подтверждение того, что крестьянствование является не исчезающей нормой сельской жизни, нужны духовные, мировоззренческие, так сказать, идеалистические признаки. Релевантным критерием этого является острая потребность сельских жителей (кстати, поощряемая обществом) в отстаивании своего достоинства, реализуемая ими в статусном самовыражении себя в крестьянском образе жизни. Прежде всего (равно как некогда в исторические времена яркой выраженности сословного общества) в рамках самоидентификации важна социокультурная гордость за себя, обусловленная моральным правом кормильцев общества. Индикаторами-концептами обретения своего достоинства «современных крестьян» в текущей ситуации являются фиксируемые преимущества перед горожанами и деревенскими маргиналами. От последних состоявшаяся часть деревни по определению дистанцируется. Проявляется это либо в негативных характеристиках, либо в снисходительных коннотациях. Сравнивая же свою жизнь с городской, сельские жители реанимируются в представлениях о крестьянском ментальном социальном достоинстве. Вот так, к примеру, они в массе своей формулируют свои самодостаточность и преимущество: «Когда человек видит, что вот кто-то держит пять коров: “Смотри, он себе может позволить купить вот это, может позволить вот это, у него и дом преобразуется, у него усадьба преобразуется”. Да, сельское хозяйство не позволяет отдыхать, допустим, ездить куда на юг, ну, практически не позволяет – такая технология, но у него все, скажем так, по-крестьянски, все цветет и колосится. Когда сосед посмотрел на это: “Ну, что я не в состоянии, что у меня, руки другие? Две–три коровы и я смогу держать. Вот у соседа это дает доход и мне будет давать”. “Ведь я кормлю не только себя, я кормлю натуральными продуктами людей”. “Потому что крестьянская жизнь – это образ жизни”. Что такое ЛПХ для крестьянина? Это какой-то тыл, наверное, резерв, я не знаю, как это назвать. Что-то вот такое, мое, личное, частное. Оно же всегда должно присутствовать. Крестьянин на то и крестьянин, что он должен заниматься крестьянским делом». Звучат данные самовыражения гордо и демонстрируют приверженность общественному тренду, исторической правоте. Наконец, еще один собеседник, глава сельского поселения, обобщает, что есть такая категория граждан, которая не может жить без сельского хозяйства: «Это категория, которая не может жить в городе, можно сказать, привыкшая к традиционному укладу. <...> Потому что в городе заняться нечем. Тут приехал – надо в стайку сходить, поработать, туда-сюда».

В отношении всех опрашиваемых категорий можно констатировать, что они все вместе и по отдельности категорически не являются маргиналами. Все хозяйствующие субъекты являют собой противоположный полис той части деревни, которая, так сказать, выпала в социальный осадок. Отдельно поднималась тема о том, как тяжело живут те, кто не держит своего хозяйства. Речь не шла о семьях относительно благополучных бюджетников, отходников и вахтовиков. Все респонденты обозначились в своем отношении к неработающим жителям села – от негативного до жалостливого. Бедность объясняется исключительно ленью. Иждивенческая жажда рабочих мест также объясняется все тем же ленью. Обозначают их «агрессивным большинством лодырей». Тот же глава сельского поселения рассказывал, что еще десять лет назад неохотно ездил в отдаленную деревню Цветковка, так как жители атаковали его, требуя рабочих мест. Правда, сегодня в этом населенном пункте благодаря положительному примеру одного дворохозяина многие вновь стали держать

коров и успешно торговать молочной продукцией на ярмарках выходного (и не выходного) дня в областном центре.

Прежде всего отличительным и безусловным своим преимуществом сельские труженики считают здоровую, экологически безопасную пищу. За редким исключением, доминирующим побуждением является потребность во всем своем. Моральное право и обязанность накормить людей здоровой пищей сельские труженики и предприниматели чувствуют, говорят: мясо от «свинокомплекса» – это «мыло», магазинная курица не дает наваристого с запахом бульона. Жительница села Ново-Кусково с особым эмоциональным ударением произносит, что желудок у нее «нежный», его нельзя чем попало кормить, а «мужчины избалованы тем, что нужно, чтобы было все свое». Как бы резюмирует мнение сельчан по этому вопросу один из глав поселения: «Ну, честно скажу, сельчане не одобряют и не уважают те продукты, которые производятся в массовом порядке». Прямые и косвенные свидетельства можно продолжать.

Эффективной кульминацией объективной исторической данности крестьянских норм в рамках проведенного социологического исследования можно считать умозаключения представителя менеджмента крупного хозяйства, убедительного сторонника идеи, что не только агрохолдинги, но и всякое другое сельское хозяйство может быть рентабельным и как следствие – бизнесом. В конце интервью он позволил себе отойти от профессиональных менторских управленческих рассуждений и искренне окунулся в заслуживающую внимания личностную рефлексию. Его первоначальная профессия ветеринара – результат семейного воспитания, предпочтения в преемственности поколений. И вообще, по его глубокому убеждению, «деревенские дети всегда чище» в нравственном плане, «каждый приходит к тому, что на земле жить лучше». И, в конце концов, «стыдно жить в деревне и не иметь своего личного подсобного хозяйства». «И на самом деле вот эти все безработные, без определенного места жительства – я их просто, честно говоря, считаю тунеядцами. Потому что на самом деле на селе деньги-то лежат на земле – надо наклониться и поднять. Если хочешь – посади картошку, продай и уже можно жить. Не хочешь – пойди в лес, собери одно, другое, третье и тоже можешь жить. Можно вырастить птицу, можно вырастить скот, все это можно сделать. И никаких тут особых затруднений не вижу».

Резюмируя тезис об исторической правомерности и концептуальной предопределенности крестьянствования, обратимся к точке зрения главы сельского поселения, который выражает общее мнение: «В сельское хозяйство идут не из-за денег. Это образ жизни». Однозначно, это не абстрактная и не романтическая, а эмпирическая, мировоззренческая предельно обобщающая дефиниция, заставляющая уважать кормильцев общества. Звучит она в устах сельских жителей гордо, как приверженность общественному тренду, исторической правоте.

И еще, в качестве ремарки. Симптомом крестьянствования было и остается то, что селяне-дворохозяева всегда избегали и избегают прямого открытого взаимодействия с властью, независимо от ее намерений – фискальных или попечительских. Примечательно откровение управленца районного масштаба: «Я вчера ругала сотрудников сельских администраций, я их ругала за то, как они мониторят личные подсобные хозяйства. Их никто не пускает в стайки, их обманывают. А работники сельских поселений, ну не хотят ругаться, им без разницы там, какую они цифру скажут. Это только я получу за то, что у меня поголовье снижается, а сельские поселения ничего не получают. Им и так хорошо. <...> Даже меры субсидирования, дотации не приведут к открытости, нет, просто это опять же в культуре».

Таким образом, устойчивое к социально-демографической деформации крестьянствование протекает с учетом факторов среды, ключевым из которых является «давление рынка». Примечательно, что владельцы подворий, механизм функционирования которых основан исключительно на трудо-потребительском балансе, выработали иммунитет к кредитным деньгам. Государственная поддержка, которая носит провоцирующий к переходу на траекторию инвестиционного дохода характер, принимается только в части не подлежащего возврату субсидирования и не нарушающего тем самым обособленность крестьянского хозяйства. В частности, крестьяне ревностно реагируют на такое условие

поддержки, как создание рабочих мест. А вот в связи с тем, что рынком в крестьянском хозяйстве считается всего лишь торговая точка, селяне без всякой маскировки, расставшись с институциональным недоверием, абсолютно благодарно воспользовались сервисом государства по организации ярмарок выходного дня в областном центре и негласными возможностями сформировать теневой рынок прямых внутридеревенских продаж. Владельцы подворий строго придерживаются оптимальных размеров, настойчиво устремлены диверсифицировать занятость под модель советского хозяйствования, а именно обзавестись работой. Все это явственные признаки крестьянской природы хозяйствования. Их действенный нигилизм по отношению к формальным правилам, в частности, диктуемым ВТО, властью воспринимается компромиссно. Можно говорить о том, что крестьяне по-прежнему эффективно пользуются «оружием слабых» и вынуждают считаться с их интерпретациями жизненных обстоятельств. Как в советские годы, когда колхозная инфраструктура эффективно использовалась крестьянами, так и ныне сельские труженики активно прибегают к суждениям из репертуара моральной экономики. Не прочь они поспекулировать на государственной поддержке. Вся обнаруженная симптоматика крестьянкости по-прежнему свидетельствуют о том, что традиционное крестьянство вызывает историческую живучесть.

Период относительно благоприятной ценовой ситуации в экономике страны обозначил такую же логику адаптации крестьянского способа производства к рынку, как и сопротивление бедности в экстремальных условиях. Устремленность к автономии по факту оказалась достижима за счет крестьянской структуры хозяйствования. Неформальные правила вновь оказались сильнее любых правил формальных. Во внутридеревенских коммуникациях на инновационной технической базе (трактор «Беларус» вместо лошади) формируются обычаи делового оборота, схожие с нормами хозяйственной жизни традиционного крестьянского общества. Одним словом, крестьянствование гармонично вписывается в рыночную систему как отдельный уклад, как своеобразный программно-адаптивный модуль.

Итак, сконцентрировавшись на определенных характерологических смысловых и эмоциональных признаках интервью, посредством их крестьяноведческого анализа можно резюмировать: крестьянствование как сельский уклад и в постсоветских реалиях проявляет себя вполне сопоставимо с исторической нормой.

Литература

Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире : хрестоматия. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. С. 8–20.

Штейнберг И. Три этюда о социологии: Святое писание, «божественная нечеловеческая музыка» и «сумбур вместо музыки» // Обратная связь: книга для чтения: сборник статей и эссе к 60-летию Михаила Рожанского. СПб.; Иркутск: Норма, Центр независимых социальных исследований и образования, 2014. С. 325–333.

References

Shanin, T. (1992). Ponyatie krest'yanstva [The concept of peasantry]. In *Velikiy neznakometz: krestiane i fermery v sovremennom mire : khrestomatiya*. Moscow, Izdatelskaya gruppa "Progress" – "Progress-Akademiya", pp. 8–20.

Shteinberg, I. (2014). Tri etyuda o sotsiologii: Svyatoe pisanie, "bozhestvennaya nechelovecheskaya muzyka" i "sumbur vmesto muzyki" [Three studies on sociology: Holy Scripture, "divine inhuman music" and "welter instead of music"]. In *Obratnaya svyaz': kniga dlya chteniya. Sbornik statei i esse k 60-letiyu Mikhaila Rozhanskogo*. St. Petersburg, Irkutsk, Norma, Zentr nezavisimyykh sotsialnykh issledovaniy i obrazovaniya, pp. 325–333.

Статья поступила в редакцию 08.08.2019 г.